

Разговор в библиотеке

В библиотеке у гостеприимной Веры Фёдоровны состоялась встреча, на которой присутствовали Валерий Адольфович Рыжик, Константин Михайлович Столбов, Михаил Эдуардович Дворкин, выпускники и учащиеся ФТШ.

Текст: Эля Мельцина

МЭ: Коллеги, друзья, гости и хозяйева, я рад приветствовать вас на этом уникальном мероприятии. Если пытаться нумеровать эти чаепития, я бы сказал, что это чаепитие под номером 0, потому что сегодня оно, безусловно, является пробным. Этот формат придуман нашими коллегами Элей и Гошей, и мне безумно приятно поучаствовать в этом в роли... у меня есть странное слово «модератор», которое мне сообщили, пускай я буду так называться. Сегодня мы хотели бы обсудить образование, культуру и изменение в них за последние N лет, где N примерно равно 30. Договоримся сразу: мы не ставим никакой принципиальной цели сегодняшнего обсуждения, мы не хотим принять какую-то резолюцию, под которой все подпишемся, не хотим сформировать общее мнение, с которым все согласятся, мы даже не хотим поставить цель, которую захотим достичь! Просто школьная газета предложила побеседовать на эти темы. Насколько хорошо сможем друг друга услышать, настолько хорошо это и будет. Это беседа в очень хорошей атмосфере, поскольку Вера Федоровна приютила нас в этом замечательном месте, и надеюсь, что все получится очень доброжелательно. Сразу предупреждаю, что Эля включила диктофон, поэтому каждое ваше слово может быть использовано в газете, но не против вас, а ради правды.

В первую очередь интервьюируемые люди за этим столом – это Валерий Адольфович Рыжик и Константин Михайлович Столбов. Давайте для начала определим, какой промежуток времени будем обсуждать? Валерий Адольфович, начи-

ная с какого десятилетия вы хорошо помните ситуацию в образовании, культуре и смело можете говорить: «а вот в такие-то годы все не так или наоборот все было именно так», а про какие годы Вам уже некомфортно говорить?

ВА: Про образование я знаю с тех пор как получил первую двойку в пятом классе.

МЭ: Мы с удовольствием послушаем про это.

ВА: Это была трагедия! Начальная школа была 4 года и, в общем, я хорошо учился, у меня была похвальная грамота, а потом я перешел в школу поближе и там довольно быстро получил первую двойку, я помню, что плакал – от доски ушел в слезах.

МЭ: Сколько Вам лет тогда было?

ВА: Получается, лет 12.

МЭ: А какой предмет это был?

ВА: Боюсь, что не помню. Плачешь же не потому, что получил двойку, а от ощущения несправедливости. Я вышел к доске, чего-то отвечал, и вдруг мне поставили двойку, это было что-то, конечно! Вот с тех пор я помню проблемы образования. Чувство обиды, которое может иметь ученик от несправедливого к нему решения.

МЭ: И вопрос оценки в том возрасте был очень для вас важен? То есть для школьника результат работы – это оценка, которую он получает?

ВА: В общем, конечно, да. Идея-то была понятна – если не хочешь, чтобы тебя дергали родители по любому поводу, учишься хорошо. Если получалось приносить домой неплохие оценки, то проблем не было.

До тех пор пока нет интереса к конкретному предмету, то этого достаточно, чтобы никто не дергал ваших родителей, а они вас. Интерес же у меня

появился в 8-ом классе, правда, тогда была десятилетка.

МЭ: А когда произошел этот качественный прорыв и для вас стали первичными знания, а не оценки?

ВА: Мне стало интересно решать задачи. Пусть дети слушают, что было, то было – до 7-ого класса я не считал зазорным прийти в школу и за полчаса до начала уроков списать у кого-то домашнее задание, правда при этом я все понимал.

Но за 7-ой класс я прочитал около 150 книг и вел дневник читателя, у меня до сих пор этот дневник где-то лежит. Для меня самым интересным было именно читать, а уроки это так, гадость какая-то. Все самые знаменитые писатели – Жюль Верн, Майн Рид, Сетон-Томпсон были прочитаны единым духом, причем все – т.е. не какой-то один роман, а все от начала до конца.

МЭ: Даже если это мешало учебе?

ВА: Я же говорю – кому это было важно. Пришел, списал... А вот интерес появился в 8-ом классе к физике, механике. Тогда уже все началось по настоящему – увлекательно стало решать задачи и разбираться в теории. Параллельно появился интерес к математике и уже всему остальному.

МЭ: Еще раз хочу уточнить – тогда понятие оценки отошло на второй план?

ВА: Конечно! Правда, надо учитывать, что на основании хороших оценок можно было получить медальный аттестат, от которого зависело поступление в вуз, оно могло стать практически автоматическим. У меня, к сожалению, в аттестате оказалась одна лишняя четверка, так что с медалью ничего не получилось. А четверку я получил по основам дарвинизма. К тому времени я прочитал книгу Шредингера «Жизнь с точки зрения физики» и там рассказывалось о генетике. Я имел несчастье порассуждать с нашим биологом на эти темы – как он относится к проблемам генетики.

МЭ: Которая тогда считалась лженаукой.

ВА: А, так получилось, что мне удалось прочитать эту замечательную книгу – совершенно непонятно как она была издана в 1948 году, когда была сессия

ВАСХНИЛ. Как это могло быть одновременно – сессия ВАСХНИЛ, на которой заклеили генетику и выход книжки, в которой все про эту генетику было рассказано?

ВФ: Кто-то пропустил.

ВА: Дело в том, что уже был сделан набор, и никто не рискнул набор развалить. Решили пусть будет.

ВФ: Маленький тираж, мало копий.

ВА: Да-да. А поскольку постольку моя мама работала в ЛИИЖТе, и там была научная библиотека, я выскочил на эту книжку, сам не знаю почему. Возможно,

потому что понравилось слово физика... Так что, каким-то образом, Мендель и Шредингер виноваты в том, что я остался без медали.

КМ: Кошмар какой! Вот все-таки виноваты, видите!

МЭ: Получается, то в этой ситуации Вы боролись за правду в Вашем тогдашнем, наверное, понимании

ВА: Я не боролся, просто спросил: «Ну вот как?» Я же помню биолога Ивана Петровича, кстати замечательный был мужик.

КМ: А он поставил четверку.

ВА: Ах да, еще одна история была любопытная – отношением к оценкам меня удивил преподаватель математики Владимир Васильевич Бакрылов.

МЭ: Которому есть памятная доска в 239.

ВА: Да, тогда он учил меня в 253 и в какой-то четверти он поставил мне 3 по тригонометрии, потому что у меня стоял там один кол, потом стояла какая-то 5, но он все равно поставил 3. А 1 он поставил, потому что работу я сдал на минуту позже, чем все остальные. Из-за этого кола у меня получилось 3 в четверти, потом у меня получилось 4 в году по тригонометрии, и в аттестат тоже попала эта 4.

КМ: С тех пор Валерий Адольфович перенял манеру Бакрылова.

Гоша: Бакрылов был очень убедителен.

МЭ: Константин Михайлович, а ваше отношение к оценкам и насколько они для Вас были важнее... Давайте так: как менялось ваше отношение к оценке? Это всегда был результат вашей работы в школе? Или в какой-то момент пришло понимание того, что гораздо важнее знания, чем оценки, а оценки это так, «фу с ними»?

КМ: То есть мы уже постулируем?

МЭ: Нет, я просто спрашиваю...

КМ: ... что для меня важнее?

МЭ: И не догадались ли вы случайно, подмигиваю я вам, до этого еще в школе?

КМ: Нет, что касается моих оценок, честно говоря, сколько я помню.. Вот у Валерия Адольфовича произошел перелом в 8ом классе, а у меня перелом в этом смысле произошел, скорее всего, в третьем классе. Я был отличником в 1, 2 классах, а в 3-ем классе переживал из-за тройки по рисованию – все предметы у меня

шли хорошо, а по рисованию была тройка. Я помню, что жутко переживал. Дома рисовал, много времени на это тратил.

ВА: Кувшин.

КМ: Кувшин, лошадь – все что угодно было, на самом деле. У меня до сих пор, если честно, с рисованием не очень хорошо. Те классы, в которых я веду геометрию, могут это заметить.

МЭ: Хи-хи-хи.

КМ: Начиная с 4ого класса никакого пиетета по отношению к оценкам не было.

Оценки были разные, в 4, 5, 6 были почти все пятерки. Даже в 8-ом, тогда еще 7-ом классе ФТШ (а я отучился один год в ФТШ до этой реформы и потом не учился в 8-ом классе) у меня была только одна четверка в году – по черчению.

Это, наверное, не странно, черчение у нас вел харизматичный преподаватель лица «Физико-техническая школа» Валерий Адольфович Рыжик, и я получил

у него чуть ли не единственную пятерку по геометрии, но с черчением не смог совладать, причем это очень интересна история. Я помню, что для получения пятерки мне нужно было нарисовать красивый чертеж, а там было три проекции некоторого куба, у которого было вырезано три пирамидки и нужно было нарисовать то, что осталось.

Гоша: У куба срезаны углы?

КМ: Ну, не совсем, не срезаны углы, а из центра три пирамидки, вершины проведены. Мы с папой потратили на это все воскресенье. Я все рисовал, перерисовывал. Нарисовал, как мне казалось, идеальный куб. Ну теперь Валерий Адольфович поставит мне пятерку! Никаких сомнений нет. И там была одна сложная вещь – внизу должен быть прямоугольничек, в котором содержатся данные и название.

МЭ: Автор работы, сделан тогда-то, шрифтом еще определенным.

КМ: Так вот, на табличку потратил тоже много времени, потому что там нужно было много всего написать специальным шрифтом.

ВА: и не только нужным шрифтом, но еще и под углом 75 градусов.

КМ: Да-да и Валерий Адольфович за этим следил, смотрел.. И помню, что я очень гордился в воскресенье тем, что придумал как покороче написать название – всего из трех букв.

Гоша: Это самоубийство.

КМ: Я назвал этот чертеж «Куб», мне казалось это прекрасной идеей. Я потратил полчаса вместо двух часов. И на следующий день я ожидал своей пятерки в году по черчению. Валерий Адольфович сидит за своим столом и принимает работы

у ребят. Дошла очередь до меня, и он говорит примерно такие слова: «Да, Столбов сделал замечательный чертеж, такой красивый, прекрасный куб, прекрасный шрифт, все выдержано» такая пауза, я уже внутренне горд собой, вот она пятерка, я буду круглым отличником в 7-ом классе, но Валерий Адольфович неожиданно говорит: «Слушайте, ну как это так?! Какой же это куб? Он назвал куб без трех пирамид кубом! Что вы, что вы! Нет, четыре!» Тогда у меня чувство несправедливости выросло вверх.

МЭ: Вы заплакали?

КМ: Нет-нет-нет! Я не заплакал, потому что тогда уже не придавал этому большого значения. Вот такая история у меня была в 7-ом классе. Потом оценки стали хуже – в старших классах появилось больше интересов. Оценкам я уже значения не придавал, другое дело, что не всегда придавал значение и знаниям. Тогда еще было не очевидно, что если ты учишься, то учишься только для себя, а не для

кого-то, не для учителей. Можно брать у учителей знания, если ты этого хочешь, но никто не может заставить тебя учиться.

Если же вспоминать какие-то школьные истории... Вот Валерий Адольфович говорит, что

его самое яркое воспоминание об образовании связано с обидой за двойку. А у меня самое яркое, пожалуй, из четвертого класса было связано с осознанием некоторого другого факта

и это осталось до сих пор. Мы тогда изучали по английскому языку дни недели, а я проболел этот день. И когда пришел на следующий,

попросил учительницу написать на листочке эти слова, чтобы выучить дома. Мой отчим – профессиональный переводчик с английского языка, работал у знаменитого академика Спас-

ского. Соответственно, я принес ему показать, как выучил, а он сказал мне: ««Tuesday» у тебя

написано неправильно». Я пошел посмотреть на листочек, который дала мне учительница – там

написано в точности так, как я переписывал и выучил. Я говорю: «смотри, это учительница написала!», и отвечает, что моя учительница написала неправильно. Я очень долго не верил. Через какое-то время я нашел правильное написание и к своему ужасу увидел, что учительница была права. И вот это было для меня

откровением, что учитель, тот человек, который стоит у доски и что-то говорит, он, оказывается, может быть неправ. И мне очень бы хотелось, чтобы эта мысль была и у моих учеников. Когда я что-то рассказываю, будь то математика, или

будь то нечто в «философское», важно, чтобы мои слова воспринимались критически. Чтобы к моим словам прислушивались, обдумывали и приходили бы к некоторому своему выводу. Хочу, чтобы ребята понимали, что и в математике я

могу ошибаться и мысли, которые я произношу, это мои мысли, а у них должны быть свои. Эта вещь, которая, мне кажется, очень важной для преподавания вообще, а не только для математики, укоренилась во мне из такого детского впечатления.

МЭ: А вы сообщили учительнице об этом инциденте?

КМ: Не помню, честно говоря. Скорее всего, я уже тогда понимал, что это не очень ее обрадует. Это были еще советские време-

на, я был тогда пионером, хорошим, прилежным мальчиком.

ВФ: Даже наши второгодники себя так не вели.

КМ: Вот сейчас много свободы.

ВФ: Вседозволенности.

КМ: Да, в хорошем варианте свободы, а в плохом – вседозволенности.

ВА: Вот Константин Михайлович был примерным мальчиком, а меня два раза подряд, в 9ом и 10ом классах, исключали из школы.

КМ: Ох, Валерий Адольфович.... Ну-ка, ну-ка, расскажите. Я вот этого раньше не слышал.

ВА: Вот не помню, как такое могло произойти. Я, действительно, в общем, не хулиганил, но что-то учителям не понравилось, не могу вспомнить что именно. У нас же была такая мера наказания, когда исключали из школы на неделю.

ВФ: А, ну это воспитание.

КМ: Такому наказанию можно только радоваться, вы неделю просто ничего не делаете, отдыхаете.

ВА: Да, но ты же понимаешь, что приходилось выслушивать от родителей.

КМ: Конечно, в советские времена.

ВА: К тому же это были старшие классы. Я не понимаю, за что меня наказывали, вроде нормально учился же. Правда, с одноклассником мы на уроках немецкого языка пели.

Все смеются.

КМ: Интересно, а что же вы там такое пели? Марсельезу?

ВА: Мы с Вовкой Павловым сидели на последнем ряду, у нас была очень смешная немка и мы, не раскрывая рта, тихонько пели.

КМ: Мне кажется, я теперь понимаю, откуда у Валерия Адольфовича такая лю-

бовь к пению на уроках. Это нереализованная потребность.

ВА: Мы пели высокими голосами, и губы не шевелились... Тут надо, чтобы ребята понимали: мы учились в мужской школе, ни одно девчонки близко не было. Что такое мужская школа в крайних проявлениях, особенно послевоенная, когда мальчишки в старших классах ходили с финками? Знаете, что такое финки? Это же орудие убийства. И то, что мы там пели на уроках – это пфи по сравнению с тем, что они делали, просто несопоставимо.

Гоша: А как их использовали?

ВА: Выясняли отношения друг с другом, это серьезное дело. Нас, шкетов, они гнали из туалетов и устраивали там свои разборки.

А на переменках мы все играли в козла. Вы знаете, как в него играть?

КМ: Я думаю, это называют «слонопотам».

ВА: Не, в слона или в козла, как-то так.

КМ: Да, у них есть такая.

ВА: Это что-то, когда 10 мужиков прыгают друг на друга с разбегу.

КМ: Популярная сейчас игра. Играли до тех пор, пока не повредили кому-то позвоночник.

ВА: А баскетбол на переменах это нормально. Скатывали шарики, и всегда был между бордюром и стенкой проем, куда забрасывали эти шарики. На перемене мужики – по 17 лет – бегают как ошалелые, играют двое на двое или трое на трое.

КМ: В старой школе был коридор узкий, помните между, 5-ым и 6-ым кабинетом.

ВА: Да, конечно.

КМ: И там постоянно играли в футбол.

МЭ: Топтыгу.

КМ: Да, это называлось «топтыга»! Я уже не помню, монеткой или какой-то шайбой.

МЭ: Скорее, шариком из скомканой бумаги.

КМ: Может и бумагой... Такой узкий коридор, и там нужно было очень удачно ударить... Но все, игра ушла в прошлое.

МЭ: Уважаемые коллеги, то есть вы не хотите защищать тезис о том, что прошлое поколение было таким идеальным, воспитанным и вообще не

имело недостатков. Как же так?

Гоша: Мне казалось, что воспитанность не мешает играть в футбол или «топтыгу».

МЭ: Или петь на уроке?

Гоша: Ну да, те, кто поют, не обязательно являются невоспитанными.

МЭ: Хорошо, ну уровень поведения, культура поведения школьника – как было в ваше время и как оно изменилось сейчас? Вот они (показывает на школьников за столом) гопники по сравнению с вами, или настоящие петербуржцы?

ВА: С ними-то все понятно... А вот у нас был недавно московский гость Блинков, он говорил, что в Москве нормальных школ штук 50. То есть нынешние дети в школе практически непредсказуемы и могут выкинуть что угодно. Об отношении друг к другу и к учителям он ничего не говорил хорошего. Моя дальняя родственница закончила институт бакалавром, пошла преподавать в школу и выдержала только полгода, потому что ученики ведут себя предельно нагло, грубо, по-хамски, мат не только на перемене, но и на уроках – в мужской школе мы никогда себе такого не позволяли.

МЭ: Кстати, я думаю, что хамство и мат как частный случай – это показатель.

ВФ: Неуважение к учителям... Я побывала на открытом уроке литературы в школе у своей внучки. У них прекрасная учительница, в классе – пятиклассники, но так, как они себя ведут – мы и в десятом так себя не вели. Это такое неуважение к педагогу! Говорят, что в обычных школах это повсеместно, что касается нашей школы – я редко бываю на уроках. Но даже у нас бывает, что учитель заходит, а продолжают разговаривать, повернувшись спиной, раньше это было невозможно! Уровень культуры и требовательности очень сильно снизился.

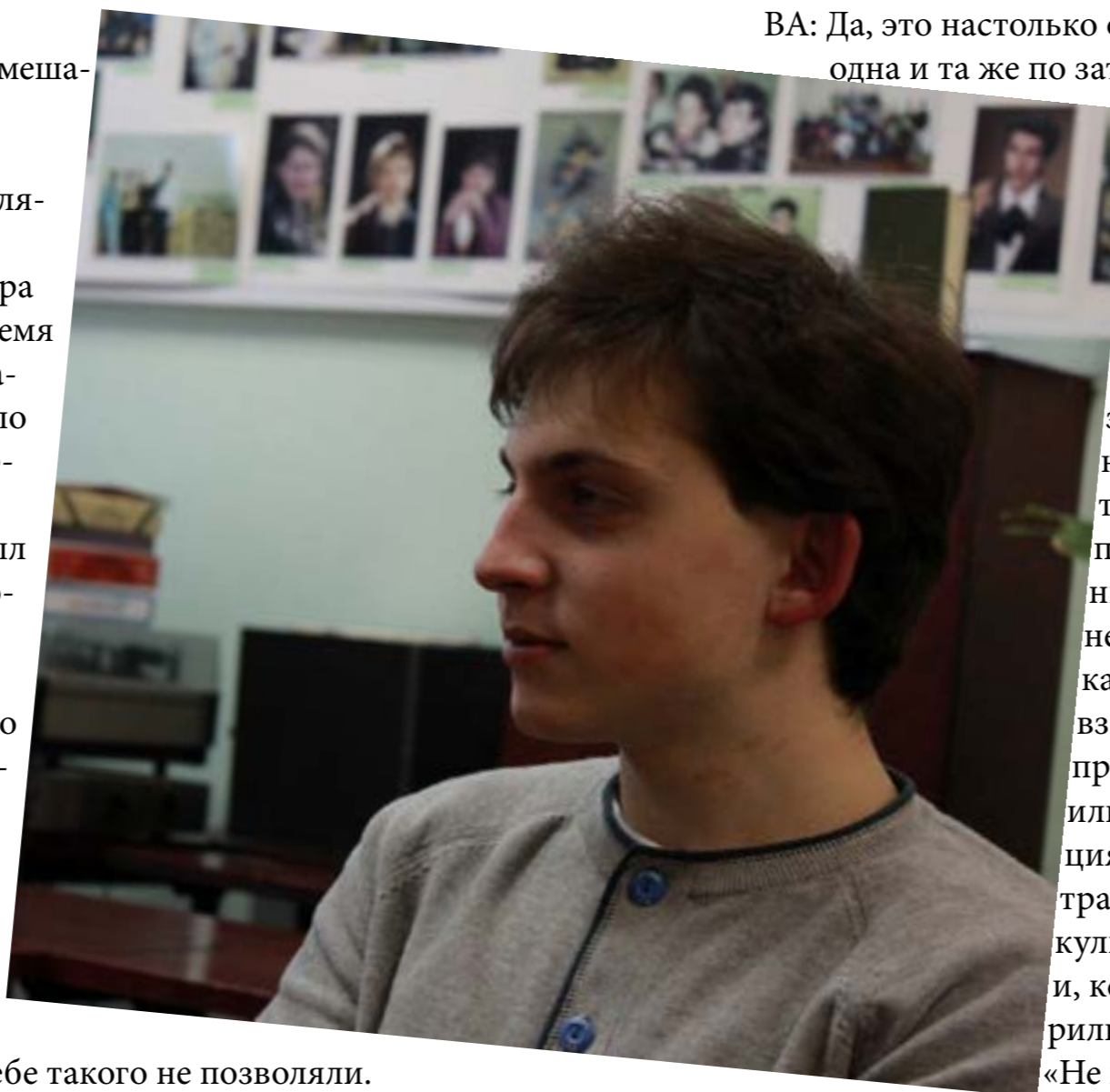
МЭ: Константин Михайлович, вы жалеете? Я не знаю, как изменились люди... необходимость культуры поведения в школе...

КМ: Вы не закончили вопрос.

МЭ: Да, вы чувствуете снижение уровня дисциплины? Или иногда терпимо то, что присутствует некоторая фривольность поведения? Как вы сейчас к этому относитесь?

ВА: Не дисциплины, а культуры. Вот что ранит. Я у детей иногда спрашиваю, почему если можно сделать «так» и «не так», «правильно» или «неправильно», то в основном выбирают «неправильно»? Не отвечают.

МЭ: А правда выбирают «неправильно»?

ВА: Да, это настолько очевидно, что я даже удивляюсь. Степень выполнения

одна и та же по затратам усилий, но почему-то... В свое время я рассказывал историю про Сократа, который поднимался вверх со своими учениками, а навстречу шла девица легкого поведения, моргнула глазами и ученики дунули за ней вниз с горы и один из тех, кто пошел вниз обернулся к Сократу и говорит «Вот видишь, все твои проповеди...», а Сократ ответил «Неудивительно! Вниз легче, чем вверх».

КМ: Ну, честно говоря, у меня есть несколько другая точка зрения. Что касается, например, лица ФТШ, то, что было на заре, когда ФТШ создавалось, не сильно отличается от того, что сейчас. В ФТШ люди приходят из определенной прослойки. И на мой взгляд это почти идеальные школьники. Если происходит то, что называется грубостью или некультурностью и так далее, не думаю, что в этом есть какой-то криминал. Скорее, это вещи, сильно зависящие от взаимоотношений с конкретными людьми и конкретным преподавателем и от традиций, которые воспринимает тот или иной преподаватель. Например, если раньше была традиция всегда вставать при входе человека, то сейчас нет такой традиции. И ребята могут не вставать не потому, что они некультурные, а просто потому, что в ФТШ такой привычки нет и, кстати, каждый преподаватель – ребята мне об этом говорили – устанавливает свои собственные правила. Он говорит: «Не вставляйте, потому что это тратит время урока, давайте

лучше сразу начинать». Тех учителей, которые говорят, что надо вставать, их мало. Понятно, что у ребят разные привычки, но для человека, условно говоря, старой закалки может восприниматься как проявление антикультуры, хотя ребята этот смысл не вкладывают.

Что касается «фривольного» поведения и «низкой культуры» в том понимании, в котором говорит про это Валерий Адольфович, мне кажется, что в ФТШ это не вопрос. Что же касается страны, то здесь я с Валерием Адольфовичем соглашусь, проблема есть. Скорее всего, есть доля истины, к сожалению, в словах завуча одной из московских школ – она в каком-то интервью сказала (обычная школа, с непростым контингентом): «вы знаете, наша цель не обучить, те кто думают, что цель нашей школы обучить – они глубоко заблуждаются. Наша цель – это сдерживать 16, 17-ти летних подростков какое-то дневное время с 9 до 15, чтобы они не пошли что-то громить, например, магазины»

ВФ: Seriously, такую цель ставит школа?

КМ: Да, так воспринимает свою цель завуч школы, и она официально дала такое интервью. Это действительно печально. И восприятие некоторых людей именно такое. Там говорить про культуру в нашем понимании, наверное, сложно. Там разговор не про мат, разговор про те самые финки, про которые говорил Вале-

рий Адольфович, с которыми люди приходят. Разговор о том, как уберечь школьников от наркотиков. Проблема, которая, тьфу-тьфу-тьфу, не касается лица ФТШ, но, к сожалению, более чем актуальная..
ВА: Мне хотелось бы послушать именно ребят, узнать их мнение в одной деликатной сфере. Это касается личных отношений юношей и девушек, которые они демонстрируют публично. Мне всегда казалось, что существует некоторая личная жизнь людей. Это та самая жизнь, которая недоступна ни обсуждению, ни соучастию всех остальных. Мне всегда казалось, что демонстрация собственных отношений, особенно отношений ухаживания или любовных отношений – это вещь внутренняя, и демонстрировать эти отношения по меньшей мере вульгарно. Кроме того эта демонстрация ставит всех окружающих в неловкое положение. Начинаешь чувствовать себя

так, как будто видишь какой-то интимный акт. То ли обходишь стороной, то ли еще что-то делаешь, но неловко себя чувствуешь в этой ситуации. Но это моя точка зрения и интересно, то думают по этому поводу ребята. Может для нынешних детей это уже нормально? И кстати, было бы интересно послушать Гошу, что там в вузе делается.

Гоша: Я еще хотел бы сказать про культуру.

ВА: Для меня это элемент культуры...

МЭ: Да, конечно

Гоша: Сначала к предыдущему вопросу про школьников, которые выглядят культурнее или не культурнее. Мне кажется, что школьников нужно рассматривать в контексте своего поколения вообще не как людей, которые по будням ходят в определенное заведение, а как людей определенного возраста. По крайней мере, так можно рассматривать. Я бы сказал, что культура каждого следующего поколения – это немного упрощенная культура предыдущего плюс что-то новое, что входит в жизнь этого поколения. За два поколения в случае Валерия Адольфовича (за одно, в случае Константина Михайловича), часть культуры, на которую им привычно смотреть, упростилась, а значит, выглядит более грубой. Поэтому эти школьники кажутся менее культурными. В контексте своего поколения они в порядке, мне кажется так.

КМ: Еще раз. Мне не кажется, что они выглядят менее культурными, и вполне разумно то, что говорит Гоша. Два поколения больше чем одно, может, потом мне будет казаться именно так.

Гоша: Мне кажется, что мне ни через сколько поколений так не будет казаться, хотя...

МЭ: Ты не представляешь. Мы еще с тобой посидим на кухне мне 70, тебе 60 с чем-то...

Гоша: Так вот, что насчет интимных отношений?

ВА: Ну да, интимных в культурном смысле.

Гоша: Мне кажется, это вопрос того, насколько близким между собой считается общество. То есть, если это, скажем так, общество достаточно дружных людей, то проявление таких социально интимных отношений не запрещены.

КМ: То есть если классная вечеринка и парочка сидит и обнимается, то это нормально?

Гоша: Да, и, на мой взгляд, люди, которые подобным образом афишируют свои отношения, просто сигнализируют о том, что всех, кто может быть рядом, они считают своими близкими знакомыми.

ВФ: То есть ФТШ – родной дом.

Гоша: Если ты это делаешь, возможно, ты так считаешь.

КМ: А если ты целуешься на эскалаторе?

Гоша: Вероятно, у тебя очень много знакомств. Если это расходится с реальностью достаточно сильно, то да, наверное, это недопустимо.

ВА: Мне жалко таких людей, им что, негде уединиться? Я никак не могу понять, что у них

лежит там в психологии. Тяга друг к другу – это естественно и нормально, не стыдно, но неужели они не могут найти места, где они могут проводить время вдвоем? Я

понимаю, что они видят на эскалаторе только друг друга, это понятно и нет проблем. Но тут-то и начинает работать элемент культуры. Все хорошо, но ты же не один! Ты в обществе. И подумать о том, какое может быть впечатление на окружающих, что ты можешь им доставить некоторый дискомфорт. Это мое мнение, а что дети думают?

Эля: Жизнь нашего поколения оказалась гораздо более публична, чем раньше, у нас есть социальные сети со статусами и фотографиями. У нас смещенные рамки, не потому что мы такие бескультурные, а потому что мы привыкли про себя все расска-

зывать. Есть ЖЖ для каких-то рассуждений, инстаграмм для фотографий еды и одежды, твиттер для высказываний в 140 символов – очень много разных форматов.

КМ: И поэтому грань смывается? Это интересно, кстати.

МЭ: Да, можно грубо говоря, я сформулирую, что представитель нашего с вами поколения, когда целуется на эскалаторе, продумывает, что это может вызвать у окружающих дискомфорт, но потом он делает один ход в голове, что у него подобная ситуация не вызвала бы дискомфорта, если бы кто-то другой так делал и поэтому считает свое поведение корректным. У тебя это вызывает дискомфорт?

Эля: Мне обычно все равно. Я что-то прокручиваю у себя в голове и не замечаю того, что происходит вокруг.

МЭ: Получается, что какие-то вещи, на которые люди одного стиля мышления обращают внимание, другие просто не замечают. Неприятная ситуация возникает из-за того, что люди не задумываются о комфорте окружающих.

Эля: Кто-то может думать: «Какая разница, что мы делаем, если например, вконтакте уже вывешена фотография, на которой мы вместе, почему мы не можем обняться на эскалаторе? Если весь интернет уже в курсе.

МЭ: Уровень открытости совершенно другой.

ВФ: Это у всех такое?

КМ: А школьники еще ничего не сказали.

Игорь: Мне кажется, что с современной скоростью распространения информации мысли, которые у нас рождаются, становятся общими для всего поколения. И у всего поколения одинаковая основа мышления. И с этой потребностью выразить себя, которая есть, естественно, у любого человека, и такой простой возможностью это сделать в интернет просачивается с нашей подачи большая часть нашей информации и, поскольку это делаем мы все, то ни для кого не считается зазорным выложить фотографию своих с кем-нибудь объятий. Даже если это

происходит в публичном месте, например, на эскалаторе.

ВФ: Или в школе?

Игорь: Или в школе.

ВФ: То есть все равно, на эскалаторе или в школе?

Игорь: Ну, если мы считаем так...

ВФ: А ты конкретно как считаешь? Такое поведение в школе нормально?

Игорь: В школе это нормально, я знаю, что у всех такие же потребности, что и у меня. Что все, с одной стороны поймут, а с другой стороны всем все равно.

ВФ: Понятно. И девочкам нормально?

Алина: Ну... девочкам – нет.

ВФ: А вот девочкам – нет!

КМ: Значит, не все поймут.

ВА: Я бы хотел чуть-чуть обобщить, поцелуй – это штука конкретная. Вообще, в принципе, демонстрация личных отношений публично это в нынешние времена элемент культуры или элемент бескультурья? Есть граница между интимной и публичной жизнью человека. И если она есть, то в чем она состоит применительно к школе и школьникам? Вот что можно делать в школе, а что нельзя? И каждый человек это решает сам для себя – какую именно сферу своего интимного он готов демонстрировать публично.

КМ: Валерий Адольфович, я как-то прочитал интервью одного режиссера уровня Феллини, но не помню фамилию, кто конкретно. Он сказал, что в какой-то момент увидел, как женщина и мужчина на кухне вдвоем едят одну курицу, и что он в жизни не видел ничего более эротического. Я к тому, что проявления личных отношений бывают очень разными и очень по-разному могут восприниматься. Может быть, люди, просто общаясь или глядя друг на друга, делают очень лично, хотя и понятно, что это происходит в публичном месте. Опять же в

компании, в походе, если есть какая-то пара людей, то иногда между ними такая искра пробегает и все видно и понятно. Вот они лично общаются, даже несмотря на то, что ничего не говорят, не целуются и прочее. Это личные отношения их в каком-то смысле не скрыть, наверное, так и

не нужно скрывать. Мне кажется, если вопрос может здесь стоять о культуре, то это вопрос о ее конкретных проявлениях. Чаще всего говорят про поцелуи: хорошо ли когда целуются в коридоре или не хорошо? Если это делается демонстративно? Иногда такое ощущение, честно говоря, возникает, может так оно и бывает, что парочка только образовалась и они целуются.

Гоша: Что-то вроде пометки территории.

КМ: Даже не пометки территории, а друг друга, условно говоря. «Вот посмотрите, мы пара!» Хорошо ли это – я не знаю. Ответа у меня нет. А школьники это по-разному воспринимают – Алина, Игорь – у них разные точки зрения.

Игорь: Есть какой-то тезис о том, что все относительно. То, что может являться культурой для одного, будет бескультурьем для другого. Все зависит от того, какие нормы ты для себя выставишь. Разные поколения – разные мировоззрения, и против утверждения «все относительно» я до сих пор не нашел никакого контраргумента. Ты считаешь, что идеальный человек должен обладать какими-то качествами, а другой тебе говорит, что все относительно и ни о каких идеалах не может быть и речи.

КМ: Здесь тоже непростой вопрос, если встать на идею «все относительно».

Игорь: Это очень плохая идеология.

КМ: Но все-таки есть глобальные вещи. Глобальная платформа, которая объединяет ту или иную группу людей. У меня есть вещи, которые для меня абсолютно неприемлемы. Например, фашистская идеология. С позиции «все относительно» и такая точка зрения имеет право на существование, но для меня – нет. В этом смысле, мне кажется, есть что-то общее для людей, которые из ФТШ, наша общая платформа. Это вещи, которые кажутся плохими или бескультурными всем.

ВА: Можно я задам конкретный вопрос опять же ребятам? Я вижу юношу и девушку, я знаю, что у них достаточно долгие и серьезные отношения, и они какие-то свои нежности демонстрируют всем остальным. Не я лично, а абстрактный учитель. Я иду мимо них, я должен... нет, неправильно... я могу сделать им замечание? Сказать «Ну ребят, вы же в обществе» или я могу пройти мимо, сделать вид, что я не замечаю этого. Или даже, предположим, демонстративно отвернуться.

Гоша: Есть вполне естественное правило, не помню, кто его сказал, может быть Джефферсон, а может и не он. «Права одного человека кончаются там, где начинаются права другого человека». Таким образом, нам остается решить, что является более естественным: право целоваться или право не смотреть на поцелуи.

При том, что целующиеся и наблюдатель являются абсолютно чужими друг другу. Мне кажется так.

ВА: Я конкретизирую ситуацию: школьники и учитель, я бы не хотел обобщения.

Гоша: На данный момент право не видеть поцелуев кажется более естественным, если это два абсолютно чужих друг другу человека.

ВА: То есть мне пройти как мимо телеграфного столба?

МЭ: Наоборот.

Гоша: Сделать замечание.

КМ: То есть учитель или одноклассник имеет право сделать замечание.

Гоша: В стенах школы – да.

МЭ: Я хочу очень сильно поддержать это мнение. По-моему, выигрышная стратегия для общества примерно такова: если вы делаете что-то, то сначала в своей голове вы думаете, не явля-

ется ли это дискомфортом для остальных. И если вы все-таки это делаете (считая, что не доставите никому неудобств), то будьте готовы к тому, что человек возьмет и, особенно в нашей школе, в доброжелательной форме сообщит, что это вызывает у него дискомфорт. В рамках страны или города все было бы гораздо сложнее, но, похоже, в ФТШ как раз можно решить такие вопросы. Просто ребята могли искренне не задумываться, что это кому-то некомфортно наблюдать. Если я правильно понимаю, еще сколько-то лет назад лектору надо было спросить разрешения, чтобы снять пиджак и остаться в рубашке. Мало ли – аудитории некомфортно? Есть множество вопросов, которые пропадали в течение веков и, думаю, сейчас мы сможем вспомнить примеры такого поведения, которое еще 10 лет назад казалось безумием, а сейчас совершенно нормально. Это непрерывный процесс и надо быть готовым, что каждый конкретный вопрос сейчас уже пропадает, а другой пропал еще не до конца.

ВА: На эту тему есть замечательная история: встретились англичанин и американец. Американец, воспитанный в своем духе, уселся за стол и положил на него ноги. Потом спросил: «Это вас не шокирует?», на что англичанин сказал: «Нет, что Вы! Можете положить на стол все четыре ноги».

МЭ: Я охотно верю в то, что люди, воспитанные с разными представлениями о куль-

туре, вполне могут разрешить проблему на уровне человеческого общения. (в момент выхода статьи МЭ уже задержан на мирной гражданской демонстрации, ему предъявлено фальшивое обвинение. Интересно, его мнение не поменялось? прим. ред.)

ВА: Удивительная ситуация: когда я был в Штатах, то работал с коллегами и передо мной сидел очень хороший и симпатичный американский учитель, побывавший в Европе и знавший культуру, и во время семинара он положил свои босые пятки на стол. Он дома, грубо говоря, он у себя в школе. Может, у них это все принято, но мне было как-то не по себе.

КМ: Да, у меня впечатление от той же американской школы, что во многих классах у них принято не только пить, но и есть. Идет урок, учитель что-то рассказывает и сидит ученик 16-ти лет, ест гамбургер и аппетитно пожевывает. Мне было очень странно на это смотреть, так что я переговорил с учителями. Выяснилось, что в этой школе все очень по-разному. Общего правила, что детям нельзя запрещать есть на уроках, нет, но каждый учитель в силу своего понимания свободы и в силу своего умения общаться с детьми выстраивает свои правила. Один учитель, например, мне сказал, что у него дети на уроках могут пить чай, а есть нельзя.

Гоша: А на олимпиадах есть разрешается. По крайней мере – не запрещается.

МЭ: Хотя когда ты шуршишь шоколадкой, то это мешает остальным. Правильные ребята перекладывают шоколадки из шуршащих фантиков в пакетики.

ВА: Это отвлекает. И идет от традиций американского общества. У нас с Михаилом Георгиевичем было в 94-ом году выступление в Гарварде. На семинаре собра-

лись ребята послушать, что такое образование в России. Переводила Дина Белинская, выпускница нашей школы. Она скала, что Гарвард – это не сливки, это сливки сливок. Выше ничего нет, во всяком случае, на восточном побережье. Сидит на семинаре человек 10-12, все профессионалы экстра-класса. Сначала говорил Михаил Георгиевич, потом был перерыв и только потом я. На перерыве всем принесли здоровенную пиццу. И во время моего выступления эти ребята совершенно спокойно ели пиццу, задавая при этом вопросы. Эта пицца, как я понимаю, подчеркивает атмосферу непринужденности. Башка-то у них работает все время. Они все слушают, все понимают и пицца им не мешает. Даже наоборот – снимает нервный накал, который может

появиться во время каких-то дискуссий и обсуждений. Но, тем не менее, не представляю, чтобы в английском Кембридже происходило нечто подобное. Как-то там все немножко иначе. Хотя,

конечно, я не лезу в чужой монастырь со своим уставом.

КМ: Ну, тут мы тоже сидим за чаем, обсуждаем какие-то вещи. И чай не только не мешает, но и помогает.

ВА: Конечно.

Может, это некоторое копирование американского. Я так и не что ребята думают по поводу смешивания личных и публичных отношений

Игорь: Если о Гарварде – мне кажется, это не увеселительное заведение, в котором люди кушают. Например, в нашем классе на уроке алгебры можно спокойно встать и заварить себе чай, и во время урока его пить.

КМ: Вот так вот даже?

Игорь: Также можно кушать печенье.

ВА: Кто у вас ведет?

Игорь: Татьяна Анатольевна.

ВА: Ну можно и можно. Действительно, у каждого учителя свои правила.

Игорь: У Андрея Михайловича тоже можно спокойно попить чай.

Гоша: Пойти в лаборантскую, завернуться в спальник...

КМ: И поспать.

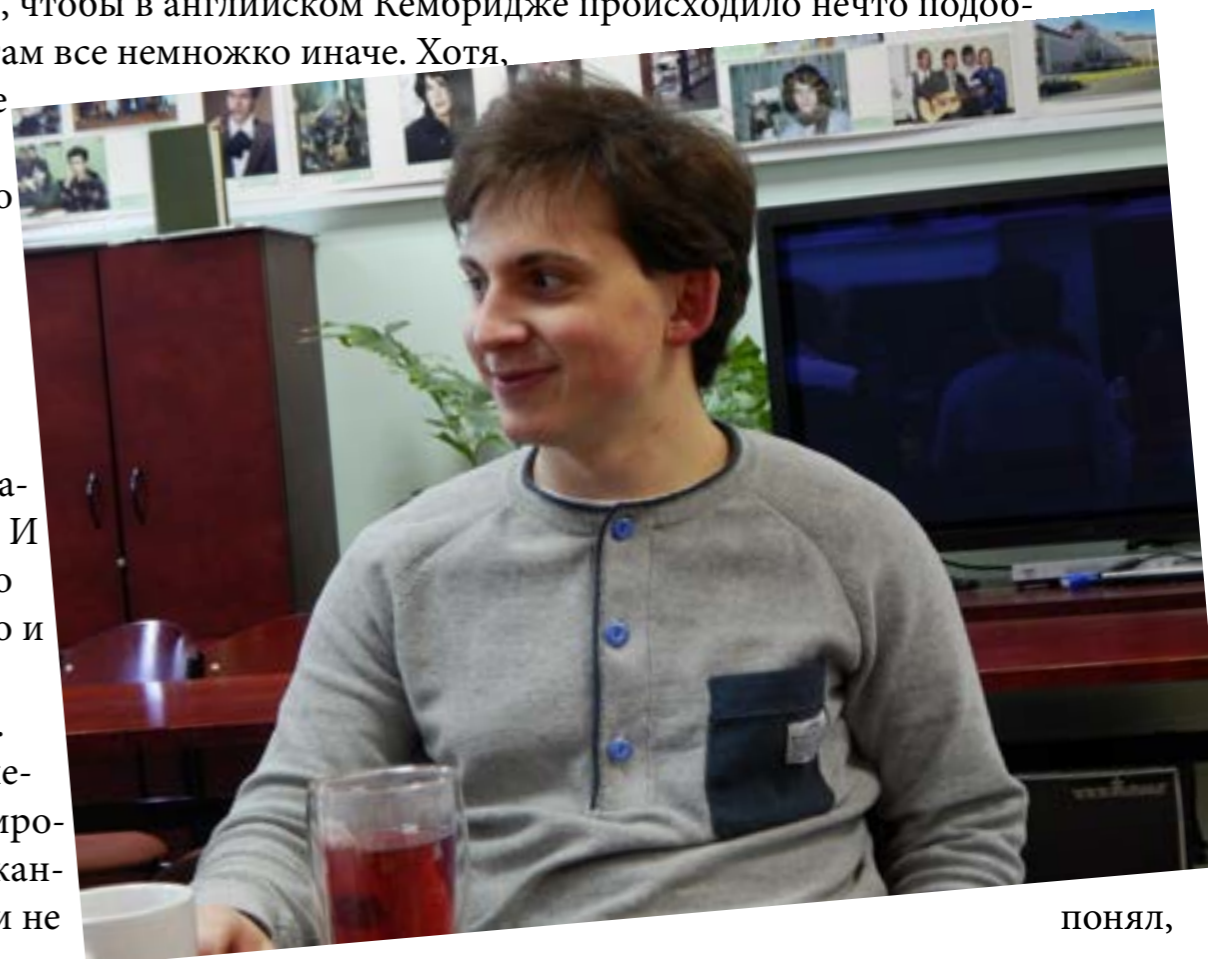
ВА: Замечательное выражение: всему свое место – хочешь учиться, приходи в класс.

КМ: В Гарварде вы так и сказали этим людям?

ВА: Нет. Там же не отношения учителя и учеников, а отношение равных коллег, там может быть все, что угодно!

КМ: А отношения учителя и ученика – это не равные отношения?

ВА: Конечно, нет! О чем говорить. Это меня всегда поражало, когда здесь ставят знак равенства. Ученик ни за что не отвечает – за все, что происходит в школе, отвечают взрослые, а не дети. И поэтому говорить о равенстве – просто неле-

понял,

ют по поводу смешивания личных и

пость.

Игорь: Может, как раз в случае с пиццей этим что-то подчеркивалось. Возможность встать и взять пиццу/заварить себе чай – как символ семейных отношений.

КМ: Да, согласен.

ВА: Но урок – это не место, где демонстрируют семейные отношения, это официальная процедура! Вот после урока давайте, пожалуйста. Будем сидеть и пить чай, нет проблем.

Игорь: Это же никак не мешает ведению самого урока.

ВА: Ничего подобного! Я что-то рассказываю, а ты сидишь и кушаешь, у меня начинает выделяться желудочный сок. Я начинаю думать не о том, что решаю задачу, а о том, что тоже хочу есть. Это мешает работе.

Коля: Вот Иван Евгеньевич Янкин, наш историк, каждый урок хоть что-нибудь да пьет.

ВА: Я хотел бы, чтобы ты уточнил слово «что-нибудь».

Коля: Не что-нибудь, а что-то.

Игорь: Пьет невиданную смесь из горшочка.

ВА: Я могу сейчас рассказать, как я это понимаю. Дело в том, что у взрослых людей могут быть свои физиологические заморочки.

Алина: А у детей не может быть?

ВА: Детям рано иметь физиологические заморочки. Это может быть болезнь или привычка. Выработанный рефлекс, без которого они не могут работать. В шахматах такое бывает. Какие-то шахматисты не могли играть, не куря во время партии. Было известно, что когда Ботвиник готовился к матчу я не помню с кем... Он сам не курил, но знал, что его противник будет. И тогда он просил своего спарринг-партнера Рагозина, с которым он играл тренировочные матчи, чтобы тот курил во время партии. Тут все понятно, мало ли кто к чему привык! Но я сейчас говорю о взрослых. Курильщики – это безнадежная традиция и ничего человеку не объяснить, вот он не может без курева.

КМ: Школьники тоже такие бывают, Валерий Адольфович?

ВА: Я не думаю, что там выработан настолько жесткий психологический рефлекс. И дело не в том, когда он начал, а в том, какой организм у человека. Если оказался беззащитным перед куревом – ему уже не выкарабкаться из этого дела. Это очень индивидуально, так что со взрослыми ситуация сложнее. Да, я считаю, что это не очень хорошо, когда ты сидишь на уроке и что-то там прихлебываешь. Но я готов согласиться с происходящим, если у человека уже есть физиологическая потребность в этом. Вы говорите, что он из горшочка что-то пьет – может это просто позволяет ему работать. Мало ли там что! Откуда я знаю.

Игорь: А Вас не напрягает, что мы сейчас тоже пьем чай?

Гоша: Заявляю, что это моя физиологическая потребность!

ВА: Игорь, есть официальная атмосфера урока, где люди работают, и атмосфера общения, мы сейчас отдыхаем, а не работаем. Работа – это одно,

отдых – другое.

Игорь: Вот некоторые уроки проходят как раз в такой атмосфере.

ВА: Да ради бога! Если учитель это позволяет и разрешает, то – пожалуйста. Если для него урок идет с элементами отдыха, нет проблем.

Игорь: В этом все и дело.

ВА: Понятно. Конечно в этом все и дело. Мне-то как раз кажется, что урок должен идти с максимальным напряжением мысли. А когда он проходит в таком ритме, то уже не до чая, я тебя уверяю. Думать надо, сосредотачиваться, соображать, вникать. Причем тут чай, я не понимаю. Это же совсем другая жизнь.

Гоша: Мне кажется, это просто разные методы работы.

ВА: Так я с этого начал.

КМ: Коллеги, а помните правила Билла Гейтса, которые он не так давно опубликовал?

ВА: 10 заповедей?

КМ: Да-да.

Гоша: Как стать миллионером?

КМ: Нет, скорее более прагматичные. Хотя куда уж прагматичнее?! 10 заповедей ученикам. Михаил Эдуардович, найдите, пожалуйста. Они были в духе «жизнь несправедлива и это факт», основной тезис в том, что в жизни все будет иначе, чем на уроках. Моя точка зрения, скорее всего, ближе к Игорю. Я считаю, что урок – это равное сотрудничество учителя и учеников. В этом смысле я сторонник максимального равенства, насколько это возможно. Грубо говоря, если я что-то позволяю себе, то я считаю, что то же самое должен позволять и ученикам. Например, если я регулярно опаздываю на уроки, то не имею права делать замечания ученикам, когда опаздывают они. Если я пью чай или кофе, а я иногда себе это позволяю, то я не должен возмущаться, если ученик будет сидеть с чаш-

кой чая. Здесь, конечно 8-миклассники сидят, но я по секрету скажу: 11-тиклассники знают, что вполне возможно, если они придут с чашкой чая, которую они нальют на перемене, и будут во время моего объяснения пить чай. Я не вижу в этом проблемы, у меня с желудочным соком все в порядке. Может быть, только на еду.

/кусочек беседы пропущен, тема та же/

Игорь: Мне кажется, речь идет о зарубежных реалиях.

Гоша: И об уроках Валерия Адольфовича.

КМ: Мне кажется, что речь идет практически о любых реалиях. «Если

тебе кажется, что учителя донимают тебя, подожди с выводами до того момента, когда у тебя появится первый шеф». Я к тому, Игорь, что атмосфера в жизни бывает очень разная, и ничего плохого не вижу, если на разных уроках разные правила игры. Вот на этом уроке, с этим преподавателем семейная атмосфера это хорошо, но это не вся жизнь. Уроки, на которых это запрещается, никакого отторжения у меня не вызывают. Я не считаю, что обязательно разрешать школьникам пить чай. Если учитель считает, что урок – это некая работа, а мне кажется, учитель имеет право на такую мысль – с таких уроков ученик может очень много вынести. В том смысле, в котором я говорил в начале. И так хорошо, и так хорошо. Хотя самому мне ближе в силу моего стиля точка зрения Иго-

ря. У нас в ФТШ есть разные преподаватели с очень разными стилями. Вы лучше знаете – ходите на уроки к другим преподавателям больше, чем я в настоящее время. И это здорово. Это добавляет разнообразия и дает представление о разных возможностях.

Игорь: В частности, до ФТШ у меня крамольных мыслей о том, что на одном уроке можно вести себя так, а на другом иначе, вообще не возникало. Были просто правила поведения в школе.

МЭ: И они соблюдались в той школе?

Игорь: Мысль о том, что на уроке можно пить чай даже в голову не приходила.

КМ: Игорь, тебе лично это мешает? Воспринимать материал?

Игорь: В школе?

КМ: Здесь, в ФТШ.

Игорь: Не мешает. Я здесь, собственно, впервые познакомился с такой концепцией.

КМ: Мне тоже кажется, что многим школьникам это не мешает.

Игорь: мне кажется, не стоит вопрос о том, что это может мешать.

Алина: Если человек чавкает при этом, то это жутко другим мешает.

ВА: Потом у меня чисто практическое соображение, это штука стандартная в стиле законов Мерфи. Все, что может пролиться – прольется. Это однозначно.

КМ: Да, сколько у меня чашек свалилось на пол.

ВА: Зачем тогда это надо? Или тетрадь заляпается, или книжка испортится, а если рядом электроника, то она выйдет из строя. Я не знаю, есть ли у вас опыт

работы с компьютером, когда рядом стоит какая-нибудь жидкость – она обязательно прольется на клавиатуру.

Игорь: Это нельзя списывать на случай, типа домовенок подтолкнул. Это зависит от тебя.

ВА: Неважно, это может быть любая случайность.

Гоша: Грубо говоря, тот, кто делает это, принимает на себя риск телефона, утонувшего в кастрюле с борщом.

КМ: Совершенно верно

Игорь: Да, у меня так было.

ВА: А что у тебя произошло?

Игорь: Однажды была такая ситуация, когда из кастрюли пролился борщ прямо на телефон.

КМ: Ты готовил борщ?

Игорь: Нет, я убрал его в холодильник, положил телефон на пол и борщ вылился на него. Мораль: не надо делать лишних движений

КМ: Валерий Адольфович прав, риск существует. Есть такая история, ходящая как фольклор среди учителей. Один преподаватель любил проверять работы за едой. Однажды он ел блины, проверял работу и поставил жирные пятна. Он огорчился, доел блины, помыл руки, посмотрел на работу, обвел эти жирные пятна, написал: «почему на работе жирные пятна?» и потом отдал школьнику.

Игорь: Однажды на мою работу попало несколько жирных капелек, я вместо них цветочки нарисовал. Правда, потом все равно вырвал листок и все заново переписал. Если речь идет об опасности – есть жирные блинчики или жареную курочку, то здоровый смысл подсказывает, что скорее всего не стоит делать.

КМ: Тяжело уберечься от всех опасностей. У меня был ученик, который хорошо учился, но как-то раз так получилось, что он пересдавал экзамен по алгебре. А для того,

ИТ ЭТОГО

чтобы пересдать экзамен, нужно сделать порядка 100 задачек. Этот ученик отдал мне на улице тетрадку, и я должен был к следующему дню их проверить. Иду домой, сажусь в лифт и тут случается неожиданное – тетрадка падает из моих рук и проваливается вниз, в шахту лифта. И все, ее не достать! Он мне до сих пор вспоминает эту историю.

Гоша: Вы заставили его переписать?

КМ: Я не помню уже, что там было, но мы договорились о каком-то компромиссе. То ли мы поговорили по этим задачкам, то ли еще что-то. Экзамен он пересдал с блеском.

ВА: Если уже заканчивать этот разговор, есть примитивное соображение: когда человек думает, кровь приливает к мозгу, а когда человек ест – к желудку. Что делать организму, когда человек одновременно думает и ест? Это нагрузка на нервную систему.

Игорь: А что именно ест? Скушать печенку – это же не преступление?

ВА: Есть – это есть, а не бросить что-нибудь в рот. Нужно понимать суть происходящего. Кроме психологического эффекта есть и физиологический.

МЭ: Тогда нужно еще настороженно относиться к пятому уроку в ФТШ, который идет после большой перемены, и школьники только что поели.

ВА: Между прочим, да. Это тоже надо учитывать.

КМ: Есть и поговорки на эту тему.

Гоша: Когда я ем, я как всегда.

И мы внезапно ставим точку, сохраняя интригу непринужденной болтовни. Только напомним - на следующем чаепитии-беседе вам будут рады!